

наго прогрессивнаго двигателя исторической жизни? А онъ могъ бы въ еще большей глубинѣ современной тины русскаго общества, еще гораздо ниже, разглядѣть, въ ихъ нравственномъ паденіи, еще болѣе позорный продуктъ нашей эпохи: это тѣ вчерашніе товарищи героев-мучениковъ, которые вымолили себѣ презрительное помилованіе, цѣлуя кровавую руку императорскаго самодержавія, отмаливая свое прошедшее въ православныхъ церквахъ, гдѣ славословятъ это самодержавіе, становясь сами его хвалителями и пачкая своимъ присутствіемъ даже то дряблѣе общество, которое ихъ терпитъ въ своей средѣ.

Можетъ быть, тревожный поэтъ 30-хъ годовъ, взглянувъ въ современность съ тѣмъ художественнымъ угадываніемъ, которое его характеризовало, не удостоилъ бы всѣ эти общественныя болячки нашего времени слишкомъ тщательнаго разбора, но остановился бы охотнѣе на томъ, за что борется небольшое меньшинство русскихъ людей, которые составляютъ единственный живой элементъ будущности нашего отечества; на тѣхъ завѣтахъ прошедшаго и настоящаго, которые были смутны для людей 30-хъ годовъ, но теперь ярко горятъ надъ историческимъ міромъ.

Русскій развитой человѣкъ 90-хъ годовъ унаслѣдовалъ отъ своихъ общечеловѣческихъ предковъ и непосредственныхъ предшественниковъ три завѣщанія, отъ которыхъ онъ не имѣетъ права отречься, не отказываясь въ то же время

отъ исторической жизни человѣчества послѣднихъ вѣковъ; не измѣняя своей обязанности служить своему народу, требующему отъ развитыхъ своихъ членовъ усиленной работы для завоеванія ему надлежащаго мѣста въ современной исторіи; не отрекаясь отъ того движенія, кинущаго теперь во всемъ мірѣ, которое одно можетъ открыть лучшее будущее для насъ, точно такъ же, какъ и для всѣхъ народовъ.

*
* *

Русскій развитой человѣкъ унаслѣдовалъ отъ поколѣній, создавшихъ новую европейскую цивилизацію, неустрашимое историческое требованіе, что новое европейское общество есть общество *свѣтское* и *только* свѣтское; что его теоретическою основою можетъ быть только критическая научная мысль; что эта мысль непримирима ни съ какою уступкою религіознымъ переживаніямъ, метафизическимъ построеніямъ; что научная философія, съ ея реальнымъ пониманіемъ міра и человѣческаго общества, съ ея борьбою противъ всѣхъ призраковъ, есть единственная схема не только всякаго, достойнаго нашего времени, процесса мысли, но единственная прочная почва правильной борьбы съ политическимъ застоємъ, съ экономическою эксплуатациею и со страданіями рабочихъ милліоновъ. Вопросъ о религіи и метафизикѣ не есть теперь даже вопросъ борьбы фанатическихъ партій; антирелигіозный фанатизмъ въ наше время